

ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ

**Евгений Петров
Илья Ильф
Двенадцать стульев
на английском языке
с параллельным
переводом на русский**

<https://litres.ru/74379737>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга на английском языке с параллельным переводом на русский. После каждого предложения следует его перевод.

Это не сатира, это рентген советской души, который смешит до колик.

Блестящий авантюрист Остап Бендер — первый русский антигерой, которого любишь сильнее любого положительного персонажа. А вместе с Кисой Воробьяниновым они создают дуэт, сравнимый с Робинсом Гудом и его кривым зеркалом.

Почему книга вне времени:

· Юмор — хирургический. Фразы разобраны на цитаты, но в контексте они убивают наповал даже спустя век.

- Герои — каждый абзац рождает типаж: от маниакальной Элочки-людоедки до шикарного отца Фёдора с его свечами.

- Сюжет — погоня за бриллиантами превращается в философский фарс о том, что «счастье не в деньгах, а в их количестве».

Читайте, чтобы понять, почему мечта о стульях актуальнее любого стартапа. Это книга, где вы смеётесь над каждым абзацем, а в конце закрываете её с лёгкой грустью — как после встречи с очень талантливым мошенником.

Содержание

Глава	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

**Евгений Петров,
Илья Ильф
Двенадцать стульев
на английском языке
с параллельным
переводом на русский**

Глава

И.А.Ильф, Е.П.Петров. Двенадцать стульев.

Книга на английском языке с параллельным переводом на русский.

© Самойлов А.Г., 2026г.

PART ONE ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

STARGORODSKY LEV «СТАРГОРОДСКИЙ ЛЕВ» The information will be paid for. Глава I

Bezenchuk and The Nymphs Безенчук и «Нимфы»

In the county town of N, there were so many barber shops and funeral processions that it seemed that the inhabitants of the city were born only to shave, cut their hair, refresh their heads with vezhetal and immediately die. В уездном городе N было так много парикмахерских заведений и бюро похоронных процессий, что казалось, жители города рождаются лишь затем, чтобы побриться, остричься, освежить голову вежеталем и сразу же умереть. In fact, in the county town of N, people were born, shaved, and died quite rarely. А на самом деле в уездном городе N люди рождались, брились и умирали довольно редко. The life of City N was the quietest. Жизнь города N была тишайшей. The spring evenings were delightful, the mud glittered like anthracite under the moonlight, and all the young people of the city were so in love with the secretary of the local communal committee that it prevented her from collecting

membership fees. Весенние вечера были упоительны, грязь под луною сверкала, как антрацит, и вся молодежь города до такой степени была влюблена в секретаршу месткома коммунальников, что это мешало ей собирать членские взносы.

Questions of love and death did not concern Ippolit Matveyevich Vorobyandinov, although he was in charge of these questions from nine in the morning to five in the evening every day, with a half-hour break for breakfast. Вопросы любви и смерти не волновали Ипполита Матвеевича Воробьянинова, хотя этими вопросами по роду своей службы он ведал с девяти утра до пяти вечера ежедневно с получасовым перерывом для завтрака.

In the morning, after drinking his portion of hot milk from a frosty, veined glass served by Klavdia Ivanovna, he would leave the dim house and go out to the spacious street named after Comrade Gubernsky, full of strange spring light. По утрам, выпив из морозного, с жилкой, стакана свою порцию горячего молока, поданного Клавдией Ивановной, он выходил из полутемного домика на просторную, полную диковинного весеннего света улицу имени товарища Губернского. It was the most pleasant of all the streets found in county towns. Это была приятнейшая из улиц, какие встречаются в уездных городах. To the left, behind wavy greenish panes of glass, the coffins of the Nymph funeral home glittered silver. По левую руку за волнистыми зеленоватыми стеклами серебрились гробы похоронного бюро «Нимфа». On the right, behind small windows

with crumbling putty, the dusty and boring oak coffins of the coffin-maker Bezenchuk lay sullenly. Справа за маленькими, с обвалившейся замазкой окнами угрюмо возлежали дубовые пыльные и скучные гробы гробовых дел мастера Безенчука. Further, "Cirulny master Pierre and Konstantin" promised its customers "nail care" and "ondulyancion at home". Далее «Цирульный мастер Пьер и Константин» обещал своим потребителям «холю ногтей» и «ондулянсион на дому». Still further away was a hotel with a barber shop, and behind it, on a large vacant lot, a fawn calf stood and gently licked a rusty sign leaning against a lonely gate: FUNERAL HOME "Welcome" Еще дальше расположилась гостиница с парикмахерской, а за нею на большом пустыре стоял палевый теленок и нежно лизал поржавевшую, прислоненную к одиноко торчащим воротам вывеску: ПОГРЕБАЛЬНАЯ КОНТОРА «Милости просим»

Although there were a lot of funeral businesses, their clientele was not very rich. Хотя похоронных дел было множество, но клиентура у них была небогатая. "You are welcome" burst three years before Ippolit Matveyevich settled in the city of N, and master Bezenchuk drank bitter and even once tried to pawn his best exhibition coffin in a pawnshop. «Милости просим» лопнуло еще за три года до того, как Ипполит Матвеевич осел в городе N, а мастер Безенчук пил горькую и даже однажды пытался заложить в ломбарде свой лучший выставочный гроб.

People in the city of N rarely died, and Ippolit Matveyevich knew this better than anyone else, because he served in the registry office, where he was in charge of the registration table for deaths and marriages. Люди в городе N умирали редко, и Ипполит Матвеевич знал это лучше кого бы то ни было, потому что служил в загсе, где ведал столом регистрации смертей и браков.

The table at which Ippolit Matveyevich worked looked like an old tombstone. Стол, за которым работал Ипполит Матвеевич, походил на старую надгробную плиту. The left corner of it was destroyed by rats. Левый угол его был уничтожен крысами. His frail legs shook under the weight of bulky tobacco-colored folders with notes from which it was possible to get all the information about the pedigrees of the inhabitants of the city of N and about the genealogical firewood that grew on the scanty county soil. Хилые его ножки тряслись под тяжестью пухлых папок табачного цвета с записями, из которых можно было почерпнуть все сведения о родословных жителей города N и о генеалогических дровах, произросших на скудной уездной почве.

On Friday, April 15, 1927, Ippolit Matveyevich, as usual, woke up at half past seven and immediately stuck his nose into an old-fashioned pince-nez with a gold bow. В пятницу 15 апреля 1927 года Ипполит Матвеевич, как обычно, проснулся в половине восьмого и сразу же просунул нос в старомодное пенсне с золотой дужкой. He did not wear glasses. Очков он не

носил. One day, having decided that wearing pince-nez was not hygienic, Ippolit Matveyevich went to the optician and bought rimless glasses with gilded shafts. Однажды, решив, что носить пенсне не гигиенично, Ипполит Матвеевич направился к оптику и купил очки без оправы, с позолоченными оглоблями. He liked the glasses from the first time, but his wife (it was not long before her death) found that he looked just like Milyukov in glasses, and he gave them to the janitor. Очки с первого раза ему понравились, но жена (это было незадолго до ее смерти) нашла, что в очках он вылитый Милюков, и он отдал очки дворнику. The janitor, although not nearsighted, was used to glasses and enjoyed wearing them. Дворник, хотя и не был близорук, к очкам привык и носил их с удовольствием.

"Bonjour! — Бонжур! - Ippolit Matveyevich sang to himself, swinging his legs out of bed. — пропел Ипполит Матвеевич самому себе, спуская ноги с постели. "Bonjour" indicated that Ippolit Matveyevich had woken up in a good mood. «Бонжур» указывало на то, что Ипполит Матвеевич проснулся в добром расположении. Saying "gut morgen" on waking usually meant that the liver was playing tricks, that fifty-two years was no joke, and that the weather was wet. Сказанное при пробуждении «гут морген» обычно значило, что печень пошаливает, что пятьдесят два года — не шутка и что погода нынче сырая. Ippolit Matveyevich shoved his lean legs into pre-war piece trousers, tied them at the ankles with ribbons, and plunged into short soft boots with narrow square toes. Ипполит Матвеевич

сунул сухощавые ноги в довоенные штучные брюки, завязал их у щиколоток тесемками и погрузился в короткие мягкие сапоги с узкими квадратными носами. Five minutes later, Ippolit Matveyevich was wearing a moonlight vest studded with a small silver star and an iridescent lustrous jacket. Через пять минут на Ипполите Матвеевиче красовался лунный жилет, усыпанный мелкой серебряной звездой, и переливчатый люстриновый пиджачок. Ippolit Matveyevich brushed the dewdrops from his gray hair that had remained after washing, moved his moustache savagely, hesitatingly touched his rough chin with his hand, ran a brush through his short — cropped aluminum hair, and, smiling politely, moved towards his mother-in-law, Klavdia Ivanovna, who was entering the room. Смахнув со своих седин оставшиеся после умывания росинки, Ипполит Матвеевич зверски пошевелил усами, в нерешительности потрогал рукою шероховатый подбородок, провел щеткой по коротко остриженным алюминиевым волосам и, учтиво улыбаясь, двинулся навстречу входившей в комнату теще — Клавдии Ивановне.

"Eppolet," she thundered, " I had a bad dream today."

The word "dream" was pronounced with a French accent. — Эпполе-эт, — прогремела она, — сегодня я видела дурной сон.

Ippolit Matveyevich looked down at his mother-in-law. Ипполит Матвеевич поглядел на тещу сверху вниз. His height reached one hundred and eighty-five centimeters, and from this

height it was easy and convenient for him to treat his mother-in-law with some disdain. Его рост доходил до ста восьмидесяти пяти сантиметров, и с такой высоты ему легко и удобно было относиться к теще с некоторым пренебрежением. Klavdia Ivanovna continued: Клавдия Ивановна продолжала:

— I saw the late Marie with her hair down and a gold sash. — Я видела покойную Мари с распущенными волосами и в золотом кушаке.

The cannon sounds of Klavdia Ivanovna's voice made the cast-iron lamp with its ball, shot, and dusty glass tsatskami shake. От пушечных звуков голоса Клавдии Ивановны дрожала чугунная лампа с ядром, дробью и пыльными стеклянными цацками.

— I'm very worried. — Я очень встревожена. I'm afraid something wouldn't have happened. Боюсь, не случилось бы чего.

The last words were uttered with such force that the square of hair on Ippolit Matveyevich's head swayed in different directions. Последние слова были произнесены с такой силой, что каре волос на голове Ипполита Матвеевича колыхнулось в разные стороны. He wrinkled his face and said separately: Он сморщил лицо и раздельно сказал:

"Nothing will happen, Maman. — Ничего не будет, маман. Have you already paid for water? За воду вы уже вносили?

It turns out that they didn't make any changes. Оказывается, что не вносили. The galoshes were also not washed. Кало-

ши тоже не были помыты. Ippolit Matveyevich did not love his mother-in-law. Ипполит Матвеевич не любил своей тещи. Klavdia Ivanovna was a fool, and her advanced age made it impossible to hope that she would ever grow wiser. Клавдия Ивановна была глупа, и ее преклонный возраст не позволял надеяться на то, что она когданибудь поумнеет. She was extremely stingy, and only Ippolit Matveyevich's poverty prevented this exciting feeling from unfolding. Скупа она была до чрезвычайности, и только бедность Ипполита Матвеевича не давала развернуться этому захватывающему чувству. Her voice was so strong and thick that it would have been the envy of Richard the Lionheart, whose cry is known to make horses crouch. Голос у нее был такой силы и густоты, что ему позавидовал бы Ричард Львиное Сердце, от крика которого, как известно, приседали кони. And what was most dreadful of all, Klavdia Ivanovna also had dreams. И кроме того, — что было самым ужасным, — Клавдия Ивановна видела сны. She always saw them. Она видела их всегда. She dreamed of girls in sashes, horses with yellow dragoon piping, street sweepers playing harps, archangels in guard sheepskins walking at night with mallets in their hands, and knitting needles that jumped around the room by themselves, making a distressing clink. Ей снились девушки в кушаках, лошади, обшитые желтым драгунским кантом, дворники, играющие на арфах, архангелы в сторожевых тулупах, прогуливающиеся по ночам с колотушками в руках, и вязальные спицы, которые сами собой пры-

гали по комнате, производя огорчительный звон. The empty old woman was Klavdia Ivanovna. Пустая старуха была Клавдия Ивановна. On top of that, she had grown a mustache under her nose, and each mustache looked like a shaving brush. Вдобавок ко всему под носом у нее выросли усы, и каждый ус был похож на кисточку для бритья.

Ippolit Matveyevich, slightly annoyed, went out of the house. Ипполит Матвеевич, слегка раздраженный, вышел из дому.

At the entrance to his shabby establishment, coffin maker Bezenchuk was leaning against the doorjamb with his arms crossed. У входа в свое потасканное заведение стоял, прислонясь к дверному косяку и скрестив руки, гробовых дел мастер Безенчук. The master's eyes were bright yellow, like a cat's, and burned with an unquenchable fire from the systematic failure of his commercial ventures and the long-term ingestion of strong drinks. От систематических крахов своих коммерческих начинаний и от долговременного употребления внутрь горячительных напитков глаза мастера были ярко-желтыми, как у кота, и горели неугасимым огнем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.